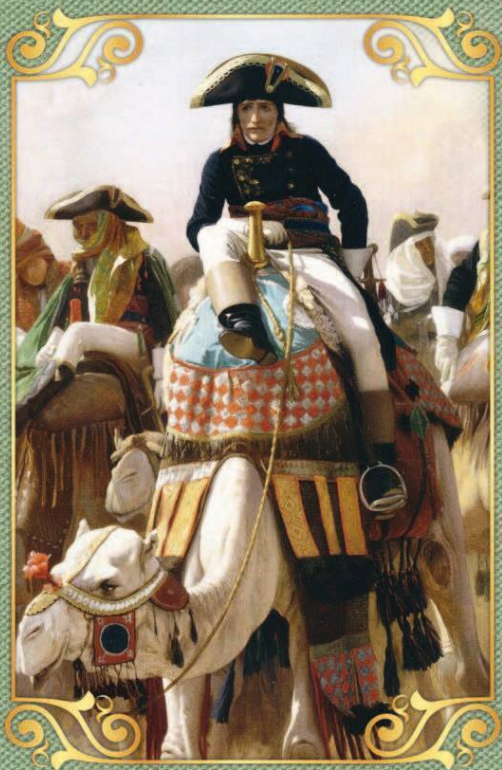

Сергей Нечаев

АНТИ *N*АПОЛЕОН

Сергей Юрьевич Нечаев

АНТИНАПОЛЕОН

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64039317

АНТИНАПОЛЕОН. / Нечаев С.Ю.: Аргументы недели; Москва; 2020

ISBN 978-5-6045376-2-6

Аннотация

Автор книги – известный историк, знаток Наполеоновской эпохи – показывает, что знаменитый французский император интуитивно (и очень грамотно!) использовал основополагающие принципы! пиара и маркетинга, хорошо известные современному читателю. Оказывается, Наполеон Бонапарт стал – даже не подозревая об этом! – мастером-виртуозом создания и поддержания собственного бренда.

Наполеон – «глобальный бренд», который перешагнул не только географические, но и временные границы и успешно существует уже более 200 лет во всемирном масштабе... Можно не знать, кто такой Наполеон, но не слышать о нем – невозможно!

«История – это не власть факта, а власть интерпретатора факта», – подчеркивает Сергей Нечаев. И чем талантливее интерпретатор, тем легче довести ЛЮБУЮ идею до массового сознания.

Данная книга – пример серьезного и в то же время увлекательного исторического исследования.

Для всех, кто интересуется историей и политикой в реальном измерении.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Нечаев

АнтиНаполеон

Каждый день в мире появляется книга о нем; о Наполеоне написано больше, чем о Христе, но чаще всего это абсурдные выдумки. Люди ищут скандала, а не аргументов, и тут он держит банк вот уже два века.

Бернар Шевалье

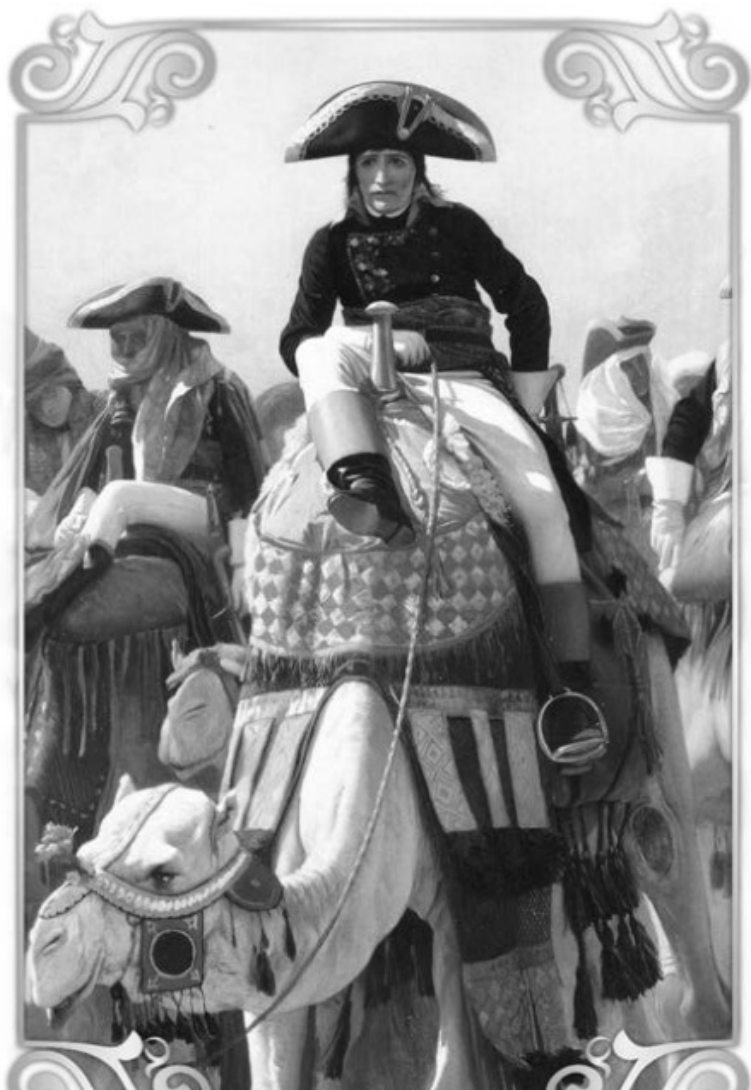
Его жизнь — это долгая драма, сотканная из сотни различных драм. Контрасты в ней множились точно так же, как и большие катастрофы.

Шарль де Лакретель

Наполеону Бонапарту самой судьбой было предназначено пролететь над миром яркой кометой и «сгореть, чтобы озарить свой век». Этот полет длился всего лишь восемнадцать лет: он начался с Итальянской кампании 1796 года и закончился под Ватерлоо.

Алексис Сюше

Издание второе, дополненное и переработанное.

© Нечаев С.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2020

Предисловие

«Фатальная неизбежность войны возвела его в ранг величайшего полководца всех времен, отодвинув в тень миротворческий гений, являющийся главной чертой его личности» (*Мишель Франчески*).

«Сам его характер явно и неотвратно вел его к поражению. После стольких больших неудач он уже не мог больше существовать в своих собственных глазах без той высоты, с которой он упал. И даже возвращение на вершину могущества не могло бы его удовлетворить. Его качества, ставшие причинами его возвышения, его отвага, его вкус к великим шансам, его привычка рисковать для достижения результатов, его амбиции – все это должно было привести его к поражению» (*Огюст-Фредерик-Луи Вьесс де Мармон*).

«Тогда в Европе жил лишь один человек; все остальные старались наполнить свои легкие воздухом, которым дышал он» (*Альфред де Мюссе*).

«Если отбросить от его успехов все то, чем он обязан фортуне, то это лишь удачливый авантюрист, вся военная и политическая деятельность которого дезорганизована, эксцентрична и безрассудна, комбинации которого ошибочны и неосмотрительны и должны были с самого начала привести к самым роковым результатам» (*Шарль-Франсуа Дюмурье*).

«Несмотря на непрерывные войны, которые навязывались

ему, он никогда не прекращал своей созидательной работы» (*Мишель Франчески*).

«В потерях, понесенных торговлей, банками и промышленностью, была повинна именно его политика» (*Рожэ Дюфрес*).

«Чуждый Франции и человечеству, бедствие вселенной, палач нации, покоренной ему террором и глупостью, он с радостью пожертвовал целым поколением французов ради своих кровавых амбиций» (*Шарль-Франсуа Дюмурье*).

«Преступления, даже оправданные интересами государства, были всегда ненавистны ему» (*Мишель Франчески*).

«Убив герцога Энгиенского, он проявил не только отвратительную жестокость, но и крайнюю неосторожность: он навеки запятнал себя» (*Франсуа-Рене де Шатобриан*).

«Из-за этой неумолимой склонности к порядку его, естественно, обвиняли в бесчеловечности, эгоизме, вспыльчивости, грубости и несправедливости. В самом деле, невозможно простить некоторые из его “вспышек”, но им следует противопоставить те поступки и слова, которые определяют другую сторону его натуры и служат доказательством присущей ему доброты, щедрости, понимания и терпения» (*бен Вейдер*).

«Ему нравилось попираť достоинство тех, над кем он одержал победу; в особенности же стремился он смешать с грязью и побольнее ранить тех, кто осмеливался оказать ему сопротивление. Надменность его равнялась его удачливости;

он полагал, что чем сильнее унизит других, тем выше поднимется сам. Ревнуя к успехам своих генералов, он бранил их за свои собственные ошибки, ибо себя считал непогрешимым. Хулитель чужих достоинств, он сурово упрекал помощников за каждый неверный шаг» (*Франсуа-Рене де Шатобриан*).

«Его великая работа по переустройству Франции заслужила почти единодушное одобрение» (*Мишель Франчески*).

«Его политика тороплива, ошибочна, бестактна; его правление – самоуправно, несправедливо, жестоко. Он не разбирался ни в законах, ни в финансах, ни в коммерции. Он умел только безумно тратить, разорять, уничтожать» (*Шарль-Франсуа Дюмурье*).

«Составляющие его военного гения – это безграничная уверенность в себе, то, что он называет своей “звездой”; это быстрое и богатое воображение; почти сверхъестественная интуиция, помогающая ему предугадывать реакцию противника; это тщательное претворение в практику стратегических принципов и чудовищная сила воли, проявляющаяся в момент принятия тактических решений» (*бен Вейдер*).

«Ни одна из его побед не была плодом военного искусства; он должен был проиграть все свои сражения, если бы вражеские генералы могли воспользоваться его безрассудствами. Его экспедиция в Египет, его война в Сан-Доминго и действия его эскадр являются лишь цепью ошибочных прожектов или неправильных поступков. Одни англичане до 1807

года смогли дать ему несколько трепок.

Он всю свою жизнь был больше счастливчиком, чем талантливый человек; никогда не испытывая неудач, имея запуганных, неумелых или ограниченных в своих действиях его абсурдными планами и приказами генералов, он никогда не подчинялся правилам военного искусства, никогда не считался с такими военными обстоятельствами, как особенности местности и погодные условия; злоупотребляя храбростью своих прекрасных войск, он ни в грош не ставил факт сокращения населения Франции, которую он истощал своими победами и уничтожал своими поражениями; амбиции его и его гнусной семьи смогут быть удовлетворены, лишь когда его иступление опустошит всю Европу, приведет ее к нищете и зальет кровью прежде всего несчастных французов» (*Шарль-Франсуа Дюмурье*).

«Вопреки видимости, у него очень чувствительная душа, и он – прямая противоположность образу “корсиканского людоеда”, созданному лживой пропагандой, которая к тому же противоправно издевается над его внешностью» (*Мишель Франчески*).

«С точки зрения физической и моральной в нем сочетались два человека.

Первый был худым, непритязательным, необыкновенно активным, равнодушным к лишениям, презирающим благополучие и материальные блага, предусмотрительным, осторожным, умеющим отдаваться на волю судьбы, решитель-

ным и упорным в своих намерениях, знающим людей и их нравы, что играло огромную роль на войне, добрым, справедливым, способным к настоящим чувствам и благородным к врагам.

Второй был толстым и тяжелым, чувственным и настолько занятым своими удовольствиями, что считал их своим важнейшим делом. Он был беспечным и боящимся усталости, пресыщенным всем, не верящим ни во что, если это не совпадало с его страстями, интересами и капризами, ни в грош не считавшимся с интересами человечества, презиравшим на войне элементарные правила осторожности, во всем полагающимся на свою удачу, на то, что он называл своей звездой» (*Огюст-Фредерик-Луи Вьесс де Мармон*).

«Многие критики уподобляют его Юлию Цезарю: обоим полководцам была присуща способность ясно излагать то, что они с легкостью задумывали» (*Бен Вейдер*).

«Речи, произнесенные им, содержат в себе очень мало пророческого. Ему было далеко до Цезаря; он не блистал ученостью, образование получил посредственное; наполовину чужестранец, он не имел понятия об основных правилах нашего языка» (*Франсуа-Рене де Шатобриан*).

«Вопреки внешним проявлениям, неизменной чертой его поведения была политическая умеренность» (*Мишель Франчески*).

«Он вмешивался во все; ум его не знал отдыха; мысли его находились, можно сказать, в постоянном возбуждении. Бур-

ная его натура не позволяла ему действовать естественно и последовательно; он двигался вперед рывками, скачками, он набрасывался на мир и сотрясал его» (*Франсуа-Рене де Шатобриан*).

«Он предстает одним из первых в ряду личностей, преобразивших мир воздействием своей воли и определивших будущее. Он собрал самую большую жатву славы, могущества и величия» (*бен Вейдер*).

«С возрастом он все меньше доверял окружающим и все меньше прислушивался к мнению сведущих людей. <...> В нем проявились презрение к людям, амбициозность и особенно слепая самоуверенность, из-за которой он втягивался в весьма рискованные авантюры» (*Роже Дюфрес*).

«Это дитя фортуны, и самый главный его талант состоит в том, что он смог всех в этом убедить. Вместо того чтобы приуменьшить его величие до его действительного масштаба, все всё приписывали его высочайшему гению» (*Шарль-Франсуа Дюмурье*).

Подобный kaleidoscope мнений можно было бы продолжать до бесконечности. Но самое потрясающее заключается в том, что все это – мнения об одном и том же человеке. О Наполеоне Бонапарте. Об историческом персонаже, который утверждал: «Будущее меня оправдает. Истина восторжествует, и добро, сделанное мною, будут судить наравне с моими ошибками».

Так оно, собственно, и произошло, и еще при его жизни

начались ожесточенные баталии между его поклонниками и очернителями.

Так кто же он? Величайший человек своей эпохи или удачливый самозванец? Посланец Бога на земле или корсиканский людоед? Пророк или шарлатан? Гений действия, смелый и разумный правитель или капризное дитя фортуны? Ответов на эти и многие другие вопросы столько же, сколько и людей, пытающихся на них ответить. Единственное, что является бесспорным, – это то, что Наполеон был и есть фигура неоднозначная и противоречивая. Великая фигура! Великая именно своей неоднозначностью и противоречивостью.

Хвалебных гимнов Наполеону написано великое множество. Правильно говорят: для тех, кто свято верен легенде, нет пределов для восхищения, даже для обожания. Но, как мы уже увидели, есть и мнения совершенно противоположные, так сказать, альтернативные. Их меньше, и они не столь растиражированы, но от этого они не становятся менее достойными внимания. Ведь черная краска может испортить портрет, а может и придать ему особый блеск и пикантность. А иногда без черной краски и не обойтись...

Безусловно, история – наука неточная. В ней нет ни формул, ни аксиом, ни экстраполяций. В ней все основано на оценках людей, присутствовавших при том или ином событии или оценивающих чужие оценки. Оставим в стороне рассуждения о возможной предвзятости этих людей. Не субъек-

тивных мнений не бывает вообще, и все люди судят о пороках и добродетелях лишь на основании того, что им нравится – не нравится или что для них выгодно. В любом случае мнение очевидцев событий всегда интереснее мнения людей, которые исходят лишь из общих соображений или из обрывков случайно услышанных чужих суждений.

Список использованной литературы к настоящей книге включает в себя 145 наименований, то есть это анализ сотни с лишним мнений. Конечно же, приведенные негативные мнения о Наполеоне не бесспорны, как не бесспорны и многочисленные хвалебные гимны, написанные в его честь. Настоящая книга представляет собой попытку показать Наполеона без прикрас, таким, каким он был, со всеми его недостатками, слабостями и комплексами. В конце концов, это же был живой человек, а не Божество, а человек, как известно, – это бездна слабости, и это, по существу, чистая случайность – рождается он белым или черным, великим или ничтожным.

Легенда часто становится непреодолимым препятствием для составления взвешенного суждения о человеке и его деятельности.

Роже Дюфрес, французский историк

Глава 1

Завидная карьера: от лейтенанта до генерала

Прослужив номинально всего лишь восемь лет и три месяца, из которых четыре года и десять месяцев было проведено частью в отпуске, частью же в самовольной отлучке, он оказался бригадным генералом!

Вильям Миллиган Слоон

В революциях мы сталкиваемся с людьми двух сортов: теми, кто их совершает, и теми, кто использует их в своих целях.

Наполеон

Наполеон всегда придавал огромное значение качеству своего офицерского корпуса, установив строжайший контроль над чинопроизводством и очистив армию от случайных людей, которых на высокие должности занесло бурными волнами Революции.

В своей книге «Армия Наполеона» историк О.В. Соколов справедливо замечает, что, «способствуя быстрому продвижению по службе талантливых людей, Наполеон одновременно желал сделать все, чтобы случайность или связи не могли занести на высокий пост человека, не понюхавше-

го пороха и не послужившего в младших чинах». В частности, императорским циркуляром от 5 мая 1805 года устанавливалось, что, например, капитаном мог стать только офицер, имевший как минимум восемь лет службы, а полковничье звание нельзя было получить, не пройдя длительный командный стаж в войсках.

В соответствии с этим, средний возраст полковников в армии Наполеона в 1805 году составлял 36 лет, а в 1814 году – более 42 лет.

Но, как известно, средние цифры – это для средних людей. Наиболее выдающиеся военачальники становились полковниками и генералами в значительно более молодом возрасте (особенно в годы постреволюционной эйфории). Рассмотрим это на примере будущих маршалов Империи, ставших генералами в 1792–1794 годах. Статистика «великих» значительно опережает средние показатели. Так, например, Ланн стал полковником в 24 года, Сульт и Ней – в 25 лет, Груши – в 26 лет, Макдональд – в 27 лет, Виктор – в 28 лет, Брюн и Сен-Сир – в 29 лет. Позже всех, в 35 лет, стал полковником Массена, однако у него из всех маршалов оказался самый короткий промежуток времени до получения следующего воинского звания: бригадного генерала Массена получил всего через пять дней после своего утверждения в чине полковника (Виктор стал генералом через два месяца, Сен-Сир и Сульт – через пять месяцев, Макдональд – через шесть месяцев, Груши – через семь месяцев, Брюн – через десять

месяцев и т. д.). Самыми молодыми генералами из всех будущих маршалов стали Сульт и Груши, которым не исполнилось и 26 лет.

На этом фоне весьма странно выглядит тот факт, что сам Наполеон получил генеральский чин в 24-летнем возрасте, причем с большими нарушениями всех принятых норм, а также «перепрыгнув» сразу из майоров в генералы и ни одного дня не пробыв в чине полковника или шефа бригады.

* * *

Офицерская карьера Наполеона воистину уникальна. Окончив военную школу в 16 с небольшим лет и получив в сентябре 1785 года лейтенантские эполеты, он был направлен (как теперь говорят, распределен) в королевский артиллерийский полк де ля Фэр, стоявший гарнизоном в Валансе.

Прибыл в полк Наполеон 5 ноября 1785 года, но уже в конце августа следующего года, то есть всего через девять месяцев службы, он получил полугодовой отпуск и уехал на Корсику. Там весной 1787 года Наполеон заболел лихорадкой и добился продления отпуска еще на шесть месяцев. Но и по окончании этого срока Наполеон не вернулся в полк, а подал новое прошение о продлении отпуска, якобы в связи с участием в собрании корсиканских сословий для заявления о правах своей семьи. Новый отпуск продолжался с 1 декабря 1787 года по 31 мая 1788 года, и лишь в июне 1788 года

лейтенант Наполеон Бонапарт явился к месту службы. К этому времени его полк уже был передислоцирован в Оксонн, маленький городок в Бургундии.

Биограф Наполеона Жак Бэнвилль со смесью удивления и восхищения пишет:

«Это были каникулы. Он сделал так, что они длились 20 месяцев, ссылаясь последовательно то на здоровье, то на семейные дела. Более полутора лет. Это много, тем более для жизни, которая окажется столь короткой и стремительной».

Великая французская революция так подействовала на Наполеона, что он вновь попросился в отпуск и, несмотря на тревожность обстановки, получил его в августе

1789 года. Время с октября 1789 года по конец января 1791 года он вновь провел на Корсике, даже не позаботившись о законном продлении отпуска. Фактически он просто дезертировал из армии, но, как ни странно, его не только не наказали за это, но и даже выдали жалованье за «прогулянные» месяцы.

1 апреля 1791 года Наполеон был произведен в старшие лейтенанты и переведен в 4-й (Гренобльский) артиллерийский полк. Там, не прослужив и десяти месяцев, он снова стал проситься в отпуск. Непосредственный начальник возмутился и отказал Наполеону, но упрямый корсиканец решил не сдаваться и обратился лично к генерал-лейтенанту артиллерии Жан-Пьеру Дютёю. В результате, вопреки всем правилам военной службы, отпуск на три месяца был полу-

чен, и Наполеон снова уехал к себе на Корсику.

После этого во Францию он вернулся лишь в июне 1793 года, и нас в данном случае совершенно не интересует, чем он занимался у себя на родине. Не избежать бы «прогульки» серьезного наказания, но в Гренобле Наполеон случайно встретил младшего брата своего бывшего покровителя генерала Дютёя.

Генерал Жан Дютёй был только что назначен начальником артиллерии армии, стоявшей на юге Франции, и он взял Наполеона к себе адъютантом. Бесспорно, генерал тогда здорово выручил Наполеона, за что ему позднее в «Воспоминаниях» последнего было даровано определение «он был добрый малый».

Это выглядит удивительно, но 8 марта 1793 года так и не успевший толком послужить в полку и понюхать пороху Наполеон Бонапарт уже был капитаном артиллерии. А ведь это было не мирное время, и Франция только и делала, что отбивалась от наседавших на нее со всех сторон врагов. Для справки отметим, что к этому времени Удино и Жюно, например, уже успели отличиться в сражениях и были тяжело ранены, а Лефевр был дважды ранен и один раз контужен. Также небезынтересно будет отметить, что, например, будущий маршал Серрюрье, человек долга и совести, отважный и далекий от интриг, целых 17 лет не мог продвинуться дальше лейтенанта, а ведь он принимал участие в Семилетней войне и в одном из боев получил крайне неприятное ране-

ние в челюсть.

*По службе он особым рвением не отличался. <...>
Он часто оказывался офицером-«призраком».
Роже Дюфрес, французский историк*

По-настоящему капитан Наполеон Бонапарт начал военную службу лишь под Тулоном, куда он прибыл 12 сентября 1793 года. 18 октября он был назначен командиром батальона (майором) 2-го артиллерийского полка в осадной армии генерала Карто.

Читая подобную биографию, можно полностью согласиться со словами отца в ту пору сержанта Жюно, который в ответ на сообщение сына о том, что ему предложено стать адъютантом Бонапарта, с удивлением говорил:

– Бонапарт? Что такое Бонапарт? Где он служил? Никто этого не знает!

О поведении Наполеона под Тулоном историк Жак Бэнвилль отзывался следующим образом:

«Не нужно преувеличивать впечатление, которое произвели его военные таланты. Легенда о Великом Наполеоне под Тулоном появилась позже, причем значительно позже».

Как бы то ни было, 18 декабря 1793 года при активном участии начальника артиллерии Тулон был взят, а 25 декабря Конвент устроил по этому поводу невиданный национальный праздник.

Репутация артиллериста Бонапарта после взятия Тулона оказалась на высочайшем уровне. Этому способствова-

ло множество факторов: и то, что генерал Карто был по образованию простым художником, ничего не смыслившим в фортификации и ведении осадных работ, и то, что комиссаром Комитета общественного спасения, во многом определившим эту самую репутацию, был земляк Наполеона Кристофано Саличетти, и многое-многое другое.

В «Универсальной биографии» братьев Мишо в статье о генерале Жане Дютёе читаем:

«Он был дивизионным генералом в 1793 году, когда ему дали командование артиллерией при осаде Тулона, занятого англичанами. Эта должность вызывала у него отвращение, и он ее оставил, чтобы возглавить артиллерию Альпийской армии. Не будет бесполезным отметить, что это обстоятельство стало одной из главных причин возвышения Бонапарта, так как именно этого молодого офицера представители народа призывали заменить Дютёя».

Генерал Дюгоммье, сменивший Карто на посту командующего армией, представив Наполеона к повышению по службе (кстати сказать, по запросу все того же корсиканца Саличетти), написал в Комитет общественного спасения следующие строки:

«Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если по отношению к нему будут неблагодарны, он выдвинется сам собой».

23 декабря 1793 года Наполеон полномочиями опьяненных тулонским триумфом народных представителей был сразу номинирован в бригадные генералы. Согласно принятой процедуре, после этого ему необходимо было направить в военное министерство свой послужной список, что было обязательно для подтверждения генеральского чина. Но что было писать, если со дня выпуска из военной школы майор Наполеон Бонапарт только и делал, что отпрашивался в отпуска, болел да занимался своими личными делами у себя на Корсике? Да, без сомнения, Тулон – это был большой успех, да – под Тулоном у Наполеона была заметная должность, и проявил он себя весьма хорошо, но это длилось всего лишь три месяца за более чем восемь лет так называемой «военной службы».

Для получения генеральского мундира нужно было нечто большее. Для примера отметим, что в мае – декабре 1793 года генералами стали будущие маршалы Брюн, Виктор, Даву, Журдан, Лефевр, Макдональд, Массена, Ожеро, Периньон и Серрюрье. При этом Брюн уже успел повоевать в Северной армии и был членом Военного комитета Конвента; Виктор и Массена также отличились под Тулоном, командуя штурмовыми колоннами; Даву отличился в Северной армии (он захватил в плен помощника перешедшего на сторону ав-

стрийцев генерала Дюмуре) и в Вандее; Журдан участвовал в войне за независимость колоний в Америке, сражался в Северной армии при Жемаппе и Неервиндене, был ранен в грудь при Ондскоте, выиграл сражение при Ваттиньи; Периньон сражался в ВосточноПиренейской армии и был ранен, Лефевр был трижды ранен и получил медаль от мэра Парижа; Макдональд отличился в сражении при Жемаппе; Ожеро послужил в прусской и неаполитанской армиях, а также в Восточно-Пиренейской армии; Серрюрье участвовал в Семилетней войне, был ранен в челюсть при Варбурге, заслужил репутацию специалиста по горной войне в Приморских Альпах.

Следует отметить, что Виктор и Груши от момента поступления на военную службу шли к генеральскому чину 12 лет, Периньон – 13 лет, Журдан – 14 лет, Массена -18 лет, Ожеро – 19 лет, Лефевр – 20 лет, Монсей – 25 лет, Келлерманн – 36 лет, Серрюрье – 38 лет. Тот же будущий маршал Келлерманн стал генералом в 53 года, что в те времена считалось чуть ли ни пенсионным возрастом.

У Наполеона ничего этого не было и быть не могло, но зато имелись влиятельные покровители, а также весьма богатое воображение и искренняя убежденность в том, что успех оправдывает любые, в том числе и не самые благородные средства. Как говорится, спасибо Революции, спасибо новым порядкам...

Наполеон в политике был тонким тактиком. Он

был всегда готов с выгодой использовать и подать под своим соусом события, происходившие в его жизни и карьере, чтобы извлечь максимум, даже если для этого нужно было весьма свободно обойтись с истиной.

Жюльен Арбуа, французский историк

В самом деле, Наполеон оказался типичным продуктом этих самых новых порядков, выдвинувших на передний план массу новых людей, многие из которых не имели бы ни малейшего шанса при Бурбонах. И, кстати сказать, не только из-за своего низкого происхождения, но и из-за полного отсутствия объективных предпосылок. Как пишет биограф Наполеона Жак Годешо, он «никогда не забывал, что обязан своей удачей Революции».

По поводу послужного списка Наполеона, фактически сфальсифицированного им самим, американский историк Вильям Миллиган Слоон замечает:

«Буонапарте считал совершенно излишним оставлять на пути к своему производству в генеральский чин какие-либо камни преткновения. Поэтому в послужном списке, посланном в Париж, он показывает, будто вступил в службу более чем годом раньше, чем это случилось на самом деле, не упоминает о таких фактах, которые могли бы быть истолкованы в неблагоприятную для него сторону, утверждает, будто при взятии Магдалены командовал батальоном, и, в конце концов, категорически отрицает, что когда-либо считался дворянином».

Ему вторит историк Фридрих Кирхейзен:

«По требованию, он послал в военное министерство свой послужной список, изобиловавший неточностями. Он не только прибавил себе восемь месяцев и чрезмерно преувеличил свои заслуги, что извинительно, однако, принимая во внимание тогдашнее беспокойное время, но и, что гораздо более важно, отрицал свое аристократическое происхождение, доказать которое стоило его отцу столько трудов и расходов! Но времена изменились. То, что несколько лет тому назад считалось большим плюсом, служило теперь помехой для дальнейшей карьеры, а как отец, так и сын умели извлекать пользу из всякого положения вещей!»

Чиновники военного ведомства, заваленные работой, не удосужились проверить изложенные Наполеоном «факты», и 6 февраля 1794 года корсиканец был официально утвержден в генеральском чине (соответствующий патент он получил 16 марта).

Столь странно-стремительное продвижение по службе дает основания профессору Слоону, написавшему одну из самых беспристрастных историй Наполеона, не без восхищения воскликнуть:

«Прослужив номинально всего лишь восемь лет и три месяца, из которых четыре года и десять месяцев проведено частью в отпуске, частью же в самовольной отлучке, он оказался бригадным генералом!»

Поистине карьера, которой мог бы позавидовать

любой поседевший на службе генерал!

Фридрих Кирхейзен, швейцарский историк

26 декабря 1793 года Наполеон сам выхлопотал себе назначение на должность инспектора береговых укреплений побережья Средиземного моря от устья Роны до Ниццы. Уникальная карьера молодого «борца за качество офицерских кадров, строжайший порядок в чиновничьем производстве и воинскую дисциплину» еще только начиналась...

Глава 2

Выдуманный «подвиг» на аркольском мосту

Аркольский мост вошел в историю, а он – в легенду.

Андре Кастело

Победа всегда достойна похвалы, независимо от того, что ведет к ней...

Наполеон

В ноябре 1796 года армия, руководимая молодым генералом Бонапартом, завязла в боях с австрийцами на северо-востоке Италии. Обе стороны несли большие потери, но отступать было нельзя, иначе можно было бы потерять плоды предыдущих побед.

4-го числа, совершенно некстати, французский генерал Вобуа был оттеснен к Риволи, а 12-го потерпела неудачу и дивизия генерала Массены, поспешно отошедшая к Вероне.

В этот момент Наполеон принял решение предпринять рискованный маневр и обойти австрийцев с юга, переправившись через реку Адиге возле Ронко. Наиважнейшим пунктом в этом замысле стал так называемый Аркольский мост через реку Альпоне, преодоление которого позволило бы

зайти противнику в тыл.

Первая атака моста, произведенная 15 ноября, оказалась неудачной. Войска дивизии генерала Ожеро были отброшены, но и контратака австрийцев быстро захлебнулась. В результате сложилась чрезвычайно опасная патовая ситуация: французские и австрийские войска стояли друг против друга, разделенные бурными водами Альпоне.

В этой критической обстановке Наполеону необходимо было чудо. И вот тут-то он якобы и решился на то, чтобы встать во главе охваченных нерешительностью войск и своим личным примером увлечь их за собой.

То, что произошло потом, в настоящее время широко известно как подвиг, совершенный Наполеоном на Аркольском мосту 15 ноября 1796 года.

Подвиг этот достаточно широко освещен в исторической литературе, причем чем позднее повествования, тем живописнее и романтичнее они. Приведем лишь некоторые из них.

Вот что написал об этом в своей «Истории императора Наполеона» Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш:

«В сражении под Арколем случилось, что Наполеон, заметив минутное замешательство своих гренадеров под страшным огнем неприятельских батарей, расположенных на высотах, соскочил с лошади, схватил знамя, кинулся на Аркольский мост, где лежали груды убитых, и вскричал: “Воины, разве вы уже не те храбрецы, что дрались при Лоди?”

Вперед, за мной!» Так же поступил и Ожеро, Эти примеры мужества повлияли на исход сражения».

Примерно ту же версию излагает и историк А.З. Манфред: «В ставшей легендарной битве на Аркольском мосту он не побоялся поставить на карту и судьбу армии, и собственную жизнь. Бросившись под градом пуль со знаменем вперед на Аркольском мосту, он остался жив лишь благодаря тому, что его прикрыл своим телом Мюиرون: он принял на себя смертельные удары, предназначенные Бонапарту».

А вот версия автора книги о Наполеоне Алексиса Сюше: «Бонапарт на Аркольском мосту бросился под градом пуль со знаменем вперед, поставив на карту и судьбу армии, и собственную жизнь. Он остался жив лишь благодаря подвигу его адъютанта, который принял на себя предназначенные Бонапарту смертельные удары».

Совсем немного отличается от вышеизложенных версия Д.С. Мережковского:

«После нескольких тщетных атак, заваливших мост трупами, люди отказываются идти на верную смерть. Тогда Бонапарт хватает знамя и кидается вперед, сначала один, а потом все — за ним. Генерал Ланн, дважды накануне раненный, защищает его телом своим от огня и от третьей раны падает к ногам его без чувств; защищает полковник Мюиرون, и убит на его груди, так что кровь брызнула ему в лицо. Еще минута, и Бонапарт был бы тоже убит, но падает с моста в болото, откуда только чудом спасают его гренадеры. Мост не был

взят. Значит, подвиг Бонапарта бесполезен? Нет, полезен в высшей степени: он поднял дух солдат на высоту небывалую; вождь перелил свою отвагу в них, как переливают воду из сосуда в сосуд; зажег их сердца о свое, как зажигают свечу о свечу».

* * *

Подобные бравурные описания, почти поэмы, можно было бы продолжать и продолжать, но все они похожи друг на друга как две капли воды. Однако зададимся вопросом: откуда взялась информация о том, что Наполеон схватил знамя и увлек за собой своих солдат на Аркольский мост?

Заглянем в воспоминания самого Наполеона об Итальянской кампании, весьма предусмотрительно написанные им «от третьего лица».

Император французов пишет сам о себе:

«Но когда Арколе устоял против ряда атак, Наполеон решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там. Колонна, которой он командовал, прошла уже половину моста; фланкирующий огонь и прибытие новой дивизии к противнику обрекли и эту атаку на неудачу. Гренадеры головных рядов, покинутые задними, заколебались. Однако, увлеченные беглецами, они не хотели бросить своего генерала; они взяли его за руки, за платье и поволокли за собой среди трупов, умирающих и

порохового дыма. Он был сброшен в болото и погрузился в него до пояса. Вокруг него сновали солдаты противника.

Солдаты увидели, что их генерал в опасности. Раздался крик: “Солдаты, вперед, на выручку генерала!” Эти храбрые тотчас же повернули беглым шагом на противника, отбросили его за мост, и Наполеон был спасен.

Этот день был днем воинской самоотверженности. Ланн, лечившийся от говернольских ран и еще больной, примчался к бою из Милана. Став между неприятелем и Наполеоном, он прикрыл его своим телом, получил три ранения, но ни на минуту не хотел отойти. Мюиرون, адъютант главнокомандующего, был убит, прикрывая телом своего генерала. Героическая и трогательная смерть! Бельяр и Виньольт были ранены среди солдат, которых они увлекли в атаку. Храбрый генерал Робер, закаленный в боях солдат, был убит».

Вот, оказывается, откуда идет информация о том, что Наполеон «схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там»...

Но Наполеон не только сам «создавал историю», он еще и заботился о ее увековечении в произведениях искусства. В частности, в 1797 году заказал художнику Антуану Гро, ученику знаменитого Давида, картину о своем подвиге на Аркольском мосту.

Наполеон заказал свой портрет в этом сражении художнику Антуану Гро. <...> Сцена, которой не было в реальности, теперь могла занять место в

легенде. <...> Наполеон придавал большое значение своим символическим изображениям, более важным, по его мнению, чем реальный ход событий, и в любом случае – более полезным.

Жюльен Арбуа, французский историк

Картина эта размером 1,30 x 0,94 м была выполнена, она выставлена в настоящее время в Версальском музее, а ее эскиз – в музее Лувра. На эту же тему в последующие времена была сделана масса других картин и гравюр, и все они служат одной только цели – увековечению Великого Подвига Великого Наполеона.

Но оставим пока «достоверную информацию» Наполеона о себе любимом и обратимся к более серьезным исследованиям Аркольского сражения, сделанным зарубежными историками.

* * *

У более обстоятельных исследователей Итальянской кампании Бонапарта восторгов по поводу его поведения у Аркольского моста уже значительно меньше.

В частности, Дэвид Чандлер в своей знаменитой книге «Военные кампании Наполеона» пишет:

«В один из моментов отчаявшийся Бонапарт схватил трехцветное знамя и повел солдат Ожеро в новую атаку на Аркольский мост, но в критический момент, когда успех еще

не был предопределен, неизвестный французский офицер обхватил своего главнокомандующего, восклицая: “Генерал, вас убьют, а без вас мы погибнем; вы не пойдете дальше, вам не место там!” В этой суматохе Бонапарт упал в воду и был спасен своими преданными адъютантами, вытащившими в безопасное место своего мокрого главнокомандующего под угрозой штыков австрийской контратаки».

Ему вторит американец Вильям Миллиган Слоон, автор книги «Новое жизнеописание Наполеона»:

«Когда знаменосец был убит, Бонапарт подхватил знамя и собственноручно водрузил его на мост. Французские гренадеры ринулись было вперед, но, встреченные дружным залпом хорватов, смешались, были опрокинуты ударом в штыки и отхлынули назад, причем увлекли с собой главнокомандующего. Неловко повернув в сторону, Бонапарт завяз в болоте, из которого выбрался живым лишь благодаря тому, что гренадеры в четвертый раз бросились в атаку».

У известного историка Абея Гюго, брата знаменитого автора «Отверженных» и «Собора Парижской Богоматери», мы находим следующее подробное описание событий этого дня:

«Тогда он помчался вместе со штабом к месту боя и встал во главе колонны: “Гренадеры, – закричал он, – разве вы не те храбрецы, что отличились при Лоди?” Присутствие главнокомандующего вернуло храбрость солдатам и вдохнуло в них энтузиазм. Бонапарт решил воспользоваться этим,

спрыгнул с лошади и, схватив знамя, бросился к мосту с криком: “Следуйте за своим генералом!” Колонна всколыхнулась, но, встреченная ужасным огнем, снова остановилась. Ланн, несмотря на две свои раны, захотел последовать за Бонапартом; он пал, сраженный пулей в третий раз; генерал Виньоль был ранен. Полковник Мюиرون, адъютант главнокомандующего, был убит, прикрывая его своим телом. Все удары достигали цели: в сомкнутой людской массе ядра и пули пробивали огромные бреши. Солдаты, после минутного замешательства, стали отступать как раз в тот момент, когда последнее усилие могло бы принести победу. Главнокомандующий вскочил на лошадь; новый залп опрокинул всех, кто его окружал и кому он был обязан тем, что его самого не убили. Его лошадь, испугавшись, упала в болото и увлекла за собой своего седока, и получилось так, что австрийцы, преследовавшие отступавших французов, оказались на расстоянии пятидесяти шагов. Но генерал-адъютант Бельяр, заметив, что главнокомандующему угрожает гибель, собрал полсотни гренадер и атаковал с криком: “Спасем нашего генерала!” Хорваты были отброшены за их укрепления».

* * *

Крайне важными в установлении истины представляются «Мемуары» Огюста-Фредерика де Мармона, непосредственного участника Аркольского сражения, в то время полков-

ника и адъютанта Наполеона Бонапарта.

Разберемся сначала с «подвигом» генерала Ожеро, отмеченным Полем-Мари-Лораном де л'Ардешем и некоторыми другими историками. Об этом Мармон пишет следующее:

«Дивизия Ожеро, остановленная в своем движении, начала отступать. Ожеро, желая подбодрить свои войска, схватил знамя и пробежал несколько шагов по плотине, но за ним никто не последовал. Вот такова история этого знамени, о котором столько говорили, что он, якобы, перешел с ним через Аркольский мост и опрокинул противника: на самом деле все свелось к простой безрезультатной демонстрации. Вот так пишется история!»

Действительно, именно так, к сожалению, пишется история. А ведь по итогам своих же собственных отчетов о сражении (Наполеон, понятное дело, ничего подобного писать и не думал) Ожеро получил памятное Аркольское знамя, которое после его смерти было передано его вдовой в Музей артиллерии, где оно до сих пор хранится в одном из залов.

Относительно действий генерала Бонапарта у Мармона мы читаем:

«Генерал Бонапарт, узнав об этом поражении, прибыл в дивизию со своим штабом для того, чтобы попытаться возобновить попытки Ожеро. Для поднятия боевого духа солдат он сам встал во главе колонны: он схватил знамя, и на этот раз колонна двинулась за ним.

Подойдя к мосту на расстояние двухсот шагов, мы, может

быть, и преодолели бы его, невзирая на убийственный огонь противника, но тут один пехотный офицер, обхватив руками главнокомандующего, закричал: “Мой генерал, вас же убьют, и тогда мы пропали. Я не пущу вас дальше, это место не ваше”».

Как видим, Мармон четко указывает на то, что Бонапарт находился от пресловутого моста на расстоянии около двухсот метров. Так что и речи не может идти о том, будто главнокомандующий «схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там». Во всяком случае, эта версия самого Наполеона находится в полном противоречии с версией Мармона, находившегося рядом.

Далее Мармон пишет:

«Я находился впереди генерала Бонапарта, а справа от меня шел один из моих друзей, тоже адъютант главнокомандующего, прекрасный офицер, недавно прибывший в армию. Его имя было Мюиرون, и это имя впоследствии было дано фрегату, на котором Бонапарт возвращался из Египта. Я обернулся, чтобы посмотреть, идут ли за мной. Увидев Бонапарта в руках офицера, о котором я говорил выше, я подумал, что генерал ранен: в один момент вокруг него образовалась толпа.

Когда голова колонны располагается так близко от противника и не движется вперед, она должна отходить: совершенно необходимо, чтобы она находилась в движении для избежания поражения огнем противника. Здесь же беспоря-

док был таков, что генерал Бонапарт упал с плотины в заполненный водой канал, в узкий канал, прорытый давным-давно для добычи земли для строительства плотины. Луи Бонапарт и я бросились к главнокомандующему, попавшему в опасное положение; адъютант генерала Доммартена, которого звали Фор де Жьер, отдал ему свою лошадь, и главнокомандующий вернулся в Ронко, где смог обсушиться и сменить одежду».

Очень любопытное свидетельство! Получается, что Наполеон не только не показал со знаменем в руках пример мужества, повлиявшего на исход сражения, но и создал (пусть невольно) в узком дефиле беспорядок, приведший к дополнительным жертвам. Атака в очередной раз захлебнулась, а насквозь промокшего главнокомандующего поспешно увезли в тыл.

Относительно всего этого Мармон делает следующий вывод:

«Вот история знамени, которое на многих гравюрах изображено в руках Бонапарта, пересекающего Аркольский мост. Эта атака, простое дерзкое предприятие, также ни к чему не привела. Единственный раз во время Итальянской кампании я видел генерала Бонапарта, попавшего в реальную и большую опасность для своей жизни».

Полковнику Мюирону Мармон посвящает всего одну фразу, утверждая, что «Мюиرون пропал без вести в этой суматохе; возможно, он был сражен пулей и упал в воды Альпона».

Здесь Мармона трудно упрекнуть в предвзятости. Жан-Батист Мюиرون был его другом детства, так что умышленно принижать его заслуги у Мармона не было никакого резона. Скорее всего, Мюиرون действительно пропал без вести в возникшей сутолоке. Он был честным и храбрым офицером, он погиб от австрийской пули и, по мнению Мармона, совершенно не нуждался в каких-либо вымышленных легендах.

Как видим, с самого начала своей военной карьеры Наполеон начал заниматься тем, что приукрашивал отчеты о своих победах, очень часто приписывая себе то, чего не было вообще, либо то, что совершали совершенно другие люди.

* * *

А вот что рассказывают в своих «Мемуарах» другие участники событий у Аркольского моста.

Генерал Франсуа Роге вспоминает:

«Батальону был отдан приказ атаковать Арколе. <...> Мы двинулись вперед, ведомые генералом Гарданном; и мы встретили Бонапарта на разветвлении дороги, ведущей к мосту. Солдаты приветствовали его криками: “Да здравствует республика!” “Солдаты 32-й полубригады, я рад вас видеть!” – ответил главнокомандующий. Батальон атаковал дамбу. Но там мы наткнулись на отряд хорватов. Для них это оказалось неожиданным, и часть из них побросала оружие, а остальные побежали к Арколе. Проход был недостаточно широк,

и многие попадали в болото или в Альпоне. Сильная колонна венгерских гренадеров с двумя орудиями стояла на мосту напротив нас, и она внесла неуверенность в наше продвижение. <...> В это время Массена поддержал нас с другими двумя батальонами. И тогда генерал Гарданн один выбежал на дамбу. Со шпагой в руке, он высоко поднял свою шляпу, закричал: “Вперед!” – и тут же упал тяжело раненный».

Кому-то это может показаться странным, но в рассказе генерала нет ни слова о героическом поведении Наполеона.

Сам Андре Массена позднее написал:

«Адъютант Мюирон был убит, генерал Вердье и генерал-адъютанты Виньольт и Бельяр были ранены. Беспорядок достиг наивысшей степени. Солдаты, толкая друг друга, старались укрыться от вражеского огня, но плотина была недостаточно широкая, чтобы дать дорогу беглецам, и многие из них попадали в болото, находившееся по обе стороны, увлекая за собой Бонапарта, которого закрывали своими телами его брат Луи и адъютанты Жюно и Мармон. Вынужденный прокладывать себе дорогу через густую и глубокую топь, главнокомандующий, которому за несколько мгновений до этого подали коня, опрокинулся вместе с ним. Луи сумел схватить его за руку, но вес тела его брата увлек и его, и тогда Мармон и два младших офицера, оказавшиеся поблизости, пришли на помощь и вытащили главнокомандующего из трясины, которая уже готова была его поглотить».

У адъютанта Наполеона Юзефа Сулковского читаем:

«Австрийцы изо всех сил защищали Арколе, и этот пункт стал неприступным. Ожеро предпринял тщетную попытку овладеть им в одиннадцать часов; в полдень Бонапарт осуществил вторую попытку, но это тоже не имело успеха. <...> Генерал Бонапарт был сброшен бежавшими назад в ров, и, если бы австрийцы знали о том беспорядке, в котором находилась французская армия, они взяли бы много пленных. В одиннадцать часов вечера обойденный с тыла Арколе был взят, но ничего большего не последовало: выгода от этого была незначительна».

Как видим, все очевидцы говорят примерно одно и то же, и подвергать сомнению все эти свидетельства вряд ли имеет смысл.

* * *

Теме «подвига» Наполеона на Аркольском мосту посвящена отдельная глава в книге современного историка Пьера Микеля, носящей недвусмысленное название «Измышления Истории». Пьер Микель пишет:

«Видя, что его солдатам не удастся захватить мост, Бонапарт решил лично возглавить операцию. Он схватил знамя первого батальона гренадеров Парижа и бросился на деревянный настил моста. Там он водрузил древко и закричал – во всяком случае, так гласит легенда: “Вы что, не солдаты Лоди!” Но, к великому сожалению, ему пришлось признать,

что это были совсем не солдаты Лоди. За ним не последовал никто, и командующий оказался мишенью стоявших перед ним стрелков противника. Засвистели пули. Наполеон Бонапарт вынужден был поспешно отступить. Несколько человек бросились ему навстречу. Ускорив бег, он споткнулся и упал в воду. Не очень лестное положение для главнокомандующего».

Далее Пьер Микель рассказывает еще об одном случае, произошедшем в то же самое время на Аркольском мосту, когда 18-летний барабанщик Андре Этьенн из 99-й полубригады действительно увлек за собой растерявшихся и начавших отступать французских солдат.

Сопоставляя эти две истории, Пьер Микель делает вывод: «Эти два эпизода на Аркольском мосту не прошли даром для Наполеона. Используя небольшую ложь, он сумел приукрасить их. Продюсеры и режиссеры признали бы в будущем императоре своего. Не сумев, вопреки желанию, стать творцом своего века, Наполеон стал романистом, художником своей собственной исключительной авантюры. Возжелав перенести на холст – экран той эпохи – пример, иллюстрирующий его зарождающуюся славу, Бонапарт поручил молодому художнику Антуану Гро создать произведение. По мнению молодого двадцатилетнего генерала, только такой же молодой художник – а Гро было двадцать лет – мог при помощи своей кисти передать то, что генерал испытывал во время этой кампании. Ему не пришлось дол-

го искать творца. Гро сам был ему вскоре представлен в Милане Жозефиной, повстречавшей его во время своего путешествия в Италию. Бонапарт проникся симпатией к молодому человеку, искусство которого ему понравилось. Как и обычно, Бонапарт направил свои пожелания Гро, которому оставалось лишь провести несколько сеансов позирования, позволившие ему наиболее достоверно представить модель в наиболее естественном состоянии, которое одновременно было бы и наиболее символическим и наиболее убедительным. Таким образом, в наше подсознание пришла картина героя в униформе республиканского генерала, орлиным взором взирающего на идущих за ним солдат (которых, однако, не видно), с развевающимися на ветру волосами, затянутого великолепным трехцветным поясом и размахивающего знаменем, открывающим ему дорогу в будущее. Затем Аркольский мост был многократно воспроизведен другими великими художниками того времени. Так, например, Шарль Верне написал картину “Сражение на Аркольском мосту”, которая смогла совместить несколько различных версий: не только Бонапарта с простреленным трехцветным знаменем в руках, ведущего за собой войска, но и юного барабанщика, увлекающего своего командира в бой. Эта картина затем воспроизводилась в десятках экземпляров на гравюрах, на фарфоре и т. д. Славная судьба для эпизода, не являвшегося таковым. Но победа может возвысить все, особенно мелкие правдивые факты, за которыми можно скрыть морщины большого об-

мана».

Как известно, картина Гро намного пережила своего автора и того, кто на ней изображен. Именно по ней миллионы людей до сих пор судят о «героизме» Наполеона на Аркольском мосту, забывая, что картина – это не фотография, и совершенно не задаваясь вопросом, а было ли все это на самом деле. Вывод Пьера Микеля однозначен: Наполеон умышленно создавал свою легенду, и создание это «происходило ценой таких вот приближений и подобного рода маленьких натяжек».

Не будем же забывать об этом, читая бесконечные восхищенные отзывы о «беспримерном наполеоновском военном гении».

Наполеон понял выгоду, которую можно извлечь из уготовленной ему судьбы. С самого начала <...> он начал реконструировать свою карьеру.
Тьерри Ленци, французский историк

Глава 3

«Странная» смерть генерала Гоша

Его гордый характер, а также огромное влияние на солдат с некоторых пор вызывали страх у Директории и Бонапарта, который видел в нем грозного соперника.

Франсуа-Ксавье де Феллер

Так или иначе – ведь нас же было двое, тогда как нужен был только один.

Наполеон

Свой «подвиг» на Аркольском мосту Наполеон совершил 15 ноября 1796 года, а 15 сентября 1797 года не стало его главного соперника – генерала Гоша.

Лазар Гош родился 24 июня 1768 года в Версале. Его отец служил конюхом в королевских конюшнях. В пятилетнем возрасте Лазар лишился матери, которая умерла при очередных родах, и отец отдал его на воспитание своему двоюродному брату-священнику. В 14 лет Гош поступил на службу в королевские конюшни, а через три года был переведен в пешую гвардию, из которой вышел сержантом гренадер. Произошло это перед самым началом Революции.

Патриот, человек пылкого характера и выдающейся храбрости, Гош активно включился в революционные события

1789 года, вступил в Национальную гвардию, участвовал во взятии Бастилии.

В 1792 году Гош стал лейтенантом 58-го полка и участвовал в героической обороне Тьонвилля от пруссаков. После этого он вступил в Арденнскую армию к генералу Венёру, который взял своеобразное шефство над молодым человеком. Они стали большими друзьями. С 3 марта 1793 года Гош служил адъютантом генерала, а когда тот был арестован (эта печальная судьба ждала тогда многих генералов Революции), выступил в его защиту и тоже попал за решетку. Вышел на свободу Гош лишь 23 августа.

После этого Гош был направлен в Дюнкерк, где отличился в борьбе с войсками герцога Йоркского. За это Комитет общественного спасения 13 сентября 1793 года произвел его (в 25 лет!) в бригадные генералы.

Перейдя главнокомандующим в Мозельскую армию, 26 декабря 1793 года Гош разбил австрийцев у Гейсберга, предотвратив их вторжение в Эльзас. Однако летом 1794 года, став жертвой нелепого обвинения (говорят, что к этому приложил руку член Конвента Луи-Антуан де Сен-Жюст, желавший видеть на этом посту генерала Пишегрю), он был арестован, привезен в Париж и брошен в тюрьму Консьержери.

После падения Робеспьера Гоша освободили, и в августе 1794 года он возглавил Западную армию, действовавшую против роялистов в Нормандии и Бретани. Прибыв в Шер-

бур, Гош нашел там полностью деморализованную армию и тут же принялся за ее реорганизацию.

Особую популярность генерал Гош получил после разгрома в июле 1795 года состоявшего из англичан и эмигрантов роялистского десанта на полуострове Киберон. Высадка руководилась графами де Пюисси и д'Эрвиллем, непомерные амбиции которых оказались одним из источников будущего краха. Эти два человека постоянно спорили друг с другом и лишь теряли драгоценное время. Генерал Гош во главе 13 тысяч солдат заставил роялистов отступить на полуостров Киберон, где им была подстроена ловушка, из которой никому уже не суждено было вырваться.

«Англичане, эмигранты и шуаны в крысоловке, а я, с несколькими крупными кошками, стою в дверях», – писал Гош Конвенту.

16 июля роялисты осуществили попытку прорыва, но попали под огонь республиканцев. Генерал Гош перешел в контрнаступление и одержал блестящую победу. Те, кто не погиб, были вынуждены капитулировать, *лишенные* возможности вернуться на корабли, которые не могли приблизиться к берегу из-за сильного волнения на море. Но в те суровые времена пленных брать было не принято. Около 800 уцелевших дворян-роялистов и их приверженцев были расстреляны в ближайших городах Оре и Ване, лишь несколько крестьян было помиловано, чтобы не вызвать возмущений в бретонских деревнях.

В 1796 году генерал Гош возглавил армию, готовившуюся к высадке в Ирландии, но эта экспедиция закончилась, толком и не начавшись, и о ней быстро забыли.

23 февраля 1797 года Гош возглавил знаменитую Самбро-Маасскую армию. Прибыв в Кёльн, новый главнокомандующий активно взялся за реорганизацию вверенных ему войск. Обладая огромной властью, он быстро проявил свои административные таланты. Армия ожила и вновь стала годной для решения самых больших задач. Солдаты обожали Гоша за его отвагу и деловитость. По словам современников, из всех французских генералов того времени у Гоша была «самая длинная сабля и самые короткие речи».

18 апреля армия Гоша перешла через Рейн по Нойвидскому мосту и атаковала австрийскую армию генерала Пауля Края фон Крайова в Гедерсдорфе. Победа Гоша была блестящей: французы захватили несколько тысяч пленных, 7 знамен, 27 орудий и около 60 зарядных ящиков. После этого генерал Гош стал одним из самых популярных генералов Франции. О его армии стали говорить, что она не менее славна, чем Итальянская армия генерала Бонапарта. Самого Гоша называли Рейнским Бонапартом.

* * *

Триумфальное шествие Самбро-Маасской армии продолжилось, но тут произошло нечто невероятное: находясь в са-

мом зените своей славы, этот молодой (29 лет!) и пышущий здоровьем генерал вдруг неожиданно умер 19 сентября 1797 года в прусском городе Вецларе.

Гош заболел и умер настолько быстро, что окружавшие его генералы просто впали в шок и стали выдвигать различные гипотезы о причинах произошедшего. Так, например, начальник артиллерии в армии Гоша генерал Дебелль 16 сентября писал Директории:

«Пишу вам весь в слезах:, граждане Директоры, находясь посреди плачущих друзей, и я не могу дать никаких разъяснений по поводу обстоятельств, отнявших у Франции генерала Гоша. Обладая крепким и пылким темпераментом, генерал Гош при этом, однако, был удивительно чувствительным, испытывал только живые и жгучие ощущения. Малейшие события он принимал чрезвычайно близко к сердцу. Революция только развила его темперамент; брошенный в этот большой водоворот, Гош использовал все свои возможности, чтобы достойно сыграть ту роль, которая была ему предначертана. <...>

Примерно месяц назад он начал мучиться насморком и стеснением в груди. Это началось у него еще в Бресте, но тогда он не обращал на это внимания. На его спасение были брошены все силы; семь или восемь дней он испытывал сильные приступы удушья. <...>

Наконец, вчера вечером, после относительно спокойного дня, когда он даже мог заниматься делами, его страдания

усилились, ужасное удушье привело к потере сознания, и через несколько часов неопикуемых мучений он умер у меня на руках».

Начальник штаба армии Гоша генерал Ренье писал 17 сентября генералу Моро:

«Я присутствовал при последних минутах жизни генерала Гоша. Его астма мешала ему говорить и ночью вызвала удушье. Он письменно передал мне ряд вопросов о положении в армии, говорить он уже не мог».

В своих «Мемуарах» маршал Груши, служивший в 1796–1797 годах под началом Гоша, констатировал:

«15 сентября 1797 года юный герой, соперник Бонапарта и не менее великий военачальник, умер в Вецларе. Вообще-то, полагают, что он был отравлен».

О том, что эта внезапная смерть не была следствием обычной болезни, поговаривали многие современники Гоша. Затем эти слухи материализовались в работах целого ряда авторов. В частности, французский историк Абель Гюго излагает следующую версию событий:

«Однако Гоша уже поразила болезнь, которая сведет его в могилу. Этой болезнью сначала был объявлен обычный насморк, который он не желал лечить и от которого поначалу легко можно было бы избавиться, дав себе несколько дней отдыха... Болезнь быстро развивалась: Гош стал очень раздражительным, но, несмотря на советы врачей, он не прекращал заниматься делами Республики».

Далее Абель Гюго делает вывод:

«Было много версий смерти генерала Гоша; многие из них сводятся к тому, что действительной ее причиной был яд».

А какой, собственно, вывод можно сделать, если умер не просто 29-летний молодой человек, что само по себе неестественно, а популярнейший и талантливейший генерал того беспокойного времени. Франция, Париж, армия не хотели верить, что этот герой умер естественной смертью.

Тело генерала Гоша было перевезено в Кобленц, и 20 сентября там было произведено вскрытие. Относительно результатов этого вскрытия существует множество так называемых свидетельств, но все они удивительным образом противоречат друг другу. Тот же генерал Дебелль, например, писал: «Завтра будет произведено вскрытие, чтобы развеять слухи о его отравлении, которые уже начали распространяться».

Эдуар Гашо в статье «Смерть Гоша», опубликованной в 1902 году, утверждает, что «вскрытие, произведенное 20-го числа, показало, что смерть была естественной». Однако после этого Гашо отмечает, что «гроб Гоша поторопились закрыть».

С другой стороны, множились мнения, приписывавшие смерть генерала Гоша действию яда. Якобы вскрытие трупа показало наличие следов насильственной смерти.

Александр-Шарль Русселен, граф Корбо де Сент-Альбен, автор одной из первых биографий Гоша, описывает

вскрытие следующим образом:

«Желудок и кишечник были вскрыты по всей длине. первый показал наличие широких черных следов в центре и менее четких следов по окружности, а также множественных точек, которые местами почти сливались».

В этом Русселен видит результат химического воздействия на организм генерала Гоша, хотя проводивший вскрытие врач Пуссельг якобы не нашел признаков насильственной смерти. Кому же верить?

Еще один биограф Гоша Эдуар Бергунью в «Эссе о жизни Лазара Гоша», опубликованном в 1852 году. пишет:

«Одинаково трудно принять и отвергнуть обвинения в отравлении. В нескольких строках доклада о болезни Гоша Пуссельг положительно утверждает, что генерал не был отравлен; с другой стороны, характер повреждения кишечника, отмеченный им в отчете о вскрытии, похоже, противоречит его же выводу и свидетельствует о наличии яда. Понятно, что друзья генерала в этом противоречии нашли доказательство преступления».

Альфонс де Бошам в своем исследовании «История войны в Вандее» называет не только тип использованного яда, но и имя убийцы. В этой связи наиболее часто называется следующее имя исполнителя отравления – Гийомо. Это был простой кузнец, и он не имел никаких личных мотивов для убийства генерала. Очевидно, что он мог быть лишь инструментом в чьих-то руках. Но в чьих? Многие обви-

няют в убийстве генерала Гоша англичан, но в чем только не обвиняли этих извечных врагов Франции? Обвиняют Директорию, обвиняют роялистов, обвиняют шуанов, в частности одного из их офицеров Шарля Марсьяля. Кто-то, следуя известной французской поговорке, ищет в этом деле следы женщины.

Александр-Шарль Русселен в своей книге «Жизнь Гоша» предполагает, что виновником смерти Гоша мог быть и его враг генерал Пишегрю. Его он называет «зловещим человеком», добившимся удаления Гоша из армии, а затем и его ареста. Но доказательств этой версии он не приводит, да и какие могут этому быть доказательства?

* * *

Наиболее приемлемым выглядит гипотеза, что главным убийцей генерала Гоша была политика. причем очень большая политика. Наиболее четко эту мысль формулирует и обосновывает американский историк Вильям Миллиган Слоон в своей книге «Новое жизнеописание Наполеона». Он отмечает, что весной 1797 года в Париже стали поднимать голову роялисты: их сторонник. новый член Директории маркиз Франсуа деБартеlemi. тесно сошелся с тогдашним военным министром Лазаром Карно, в парижском квартале Клиши открыто собирался роялистский клуб, который посещали многие члены законодательных органов Франции,

Совета старейшин и Совета пятисот, в частности состоявший председателем последнего популярный в армии генерал Шарль Пишегрю. Положение Директории стало весьма опасным.

У профессора Слоона мы читаем:

«Радикальные ее члены считали необходимым, для спасения самих себя и республиканской конституции. как можно скорее назначить способного и преданного генерала командующим внутренней армией, то есть парижским комендантом. Они последовательно обращались к Моро, Гошу и, наконец, к Бонапарту, Моро не обнаружил особенной преданности к радикальной республике. Блестящий полководец Гош согласился помочь Директории и охотно принял на себя выполнение придуманного Баррасом плана сосредоточить в Париже войска под предлогом одновременной реорганизации обеих армий, северной и внутренней, причем должно было измениться прежнее расквартирование дивизий. Для более удобного выполнения проекта признано было уместным назначить Гоша военным министром. Оказалось, однако, что ему не исполнилось еще тридцати лет, а потому, на основании конституции, он еще был слишком молод для того, чтобы занимать министерский пост.

Бонапарт фактически изъявил уже свою готовность помочь Директории. Он командировал в Париж честолюбивого, пылкого и бесстрашного генерала Ожеро, без того уже просившегося туда в отпуск по домашним обстоятельствам.

<...> Ожеро, не стесняясь, хвастался тем, что его прислали в Париж, чтобы передуть роялистов. Тотчас же по приезде в столицу он был назначен главнокомандующим внутренней армией».

Таким образом, Директория на какое-то время обезопасила себя. Военный министр Карно переписывался с Наполеоном и ничего не знал об интриге между влиятельным членом Директории Полем Баррасом и Гошем. А тем временем генерал Ожеро тайно ввел в Париж 20-тысячный корпус верных ему войск. Эти события, известные под названием «переворот 18 фрюктидора», привели к тому, что министр Карно еле успел спастись бегством, а другой оппозиционный член Директории Бартеlemi был арестован и брошен в тюрьму. Множество членов Совета старейшин и Совета пятисот бежали или были сосланы в Гвиану в болота Кайенны.

Вильям Миллиган Слоон продолжает:

«Необходимо принять во внимание, что государственный переворот 18 фрюктидора был произведен отчасти по указаниям Бонапарта, приславшего радикальным членам Директории одного из надежнейших своих генералов. Таким образом, Бонапарту удался очередной шаг на пути, долженствовавшем сделать его властелином над армией, а через ее посредство и над всей Францией.

Преждевременная смерть Гоша лишила почти тогда же Францию единственного генерала, который мог своей гениальностью поспорить с Бонапартом, и вместе с тем избавила

Наполеона от опасного политического соперника».

Как видим, Наполеон был напрямую заинтересован в устранении конкурента, и общественное мнение, пусть не открыто, а с оглядкой и только шепотом, сразу же стало указывать в его сторону. Ведь Гош обладал славой непобедимого генерала Республики. Он был крайне популярен в войсках. У него были свои влиятельные покровители в Париже.

Гош, большой политик и великий полководец, жадный до славы и обождаемый войсками, представлял собой из всех генералов того времени самого опасного соперника для Бонапарта. Жажда власти могла быть общей у этих людей. <...> А пример Цезаря и пример Брута одинаково заразительны.

Жак Марке де Монбретон, барон де Норвэн, французский писатель

И, кстати, проблема тут заключалась еще и вот в чем: поговаривали, что до ее знакомства с Бонапартом Лазар Гош был любовником Жозефины де Богарне...

Об этом последнем факте в книге «Наполеон Первый» Фридриха Кирхейзена сказано следующее:

«Говорят, что Жозефина в это время находилась в близких отношениях с генералом Гошем. Если это правда, то связь эта длилась чрезвычайно недолго, так как Гош покинул Париж 11 или 12 фрюктидора, то есть спустя всего три недели после освобождения Жозефины из тюрьмы, отправившись в качестве главнокомандующего прибрежной арми-

ей в Шербур. Возможно, однако, что она вступила с ним в связь еще в монастыре кармелиток, в котором он также был заключен, так как Гош был не только красивым человеком, покорявшим все женские сердца, но и большим ловеласом. Как бы то ни было, но Жозефину за это осуждать нельзя, особенно же в то аморальное время. Более всего распространению слуха о связи Жозефины с Гошем способствовало то, что Гош после своего освобождения взял к себе маленького Эжена. Генерал сделал это, однако, больше из дружбы к Александру де Богарне, с которым разделял тюремное заключение».

Общеизвестно, что не избалованный женским вниманием генерал Бонапарт с первого взгляда влюбился в изящную и весьма искушенную в любовных делах креолку Жозефину, но не до такой же степени, чтобы начать сводить счеты со всеми ее предыдущими кавалерами, тем более что их было великое множество, включая, как говорят, и самого Поля Барраса.

Истинная серьезность противостояния Наполеона Бонапарта и Лазара Гоша, конечно же, заключалась в другом. Ее совершенно справедливо подметил современный российский историк В.Н. Шиканов:

«Все знавшие этого человека люди неизменно подчеркивали его беззаветную преданность республиканским идеалам. В связи с этим вполне вероятно, что 18 брюмера генералы Гош и Бонапарт оказались бы по разные стороны бар-

рикад. В этом случае Франция подверглась бы ужасам новой гражданской войны с далеко не очевидным исходом».

Наполеон в своих «Воспоминаниях», конечно же, отвергает все эти нападки, причем он исключает не свою причастность к смерти Гоша, а сам факт его отравления. У Наполеона мы читаем:

«Генерал Гош, командующий Самбро-Маасской армией, неожиданно скончался в это время в Майнце. Многие думали, что он был отравлен. Это мнение необоснованно».

Необоснованно, и все тут! И не нужны никакие другие доводы. Но, как известно, дыма без огня не бывает. И пусть биограф Гоша Александр-Шарль Русселен с сожалением констатирует, что «мы так никогда и не узнаем, кто был преступником и имело ли место преступление». Да, это, конечно, так, но первым вопросом при любом расследовании является вопрос: «Кому это выгодно?» И первым приходящим в голову ответом на этот вопрос в случае с генералом Гошем является следующий: «Конечно же, Наполеону Бонапарту!»

Биограф Наполеона Жак Бэнвилль отмечает, что среди военных у Наполеона было лишь два конкурента – это были генералы Гош и Жубер. Гош неожиданно умер в 1797 году в Вецларе, Жубер был убит в два года позже в сражении при Нови. Вывод этого историка относительно Наполеона достаточно циничен: «Трудно сказать, имел ли он другие преимущества над своими конкурентами, но он имел глав-

ное — он остался жив».

Французский проповедник Жан-Батист Массийон справедливо замечал в свое время, что «удачливый злодей часто становится величайшим человеком своего века». Впрочем, он умер задолго до рождения Наполеона и никак не мог иметь в виду именно его.

Тело генерала Гоша было захоронено в замке Петербург близ Кобленца. Его могила находится там рядом с могилой другого знаменитого генерала Французской республики Франсуа Марсо, с которым Гоша связывало чувство искренней дружбы.

По запросу депутата Малибрана Совет пятисот принял решение осуществить торжественное прощание с Гошем, и оно было проведено в Париже 1 октября 1797 года. На мероприятии присутствовали многие члены правительства, политики, дипломаты и военные. Четыре ветерана несли бюст Гоша. В почетном карауле стояли генералы Ожеро, Бернадотт, Эдувилье и Тилли. Президент Директории произнес хвалебную речь в честь героя, а хор из 40 девушек в белоснежных одеждах исполнил гимн, специально сочиненный композитором Луиджи Керубини на слова Мари-Жозефа Шенье, брата гильотинированного поэта Андре Шенье.

Наполеона при этом, естественно, не было. Он прибыл в Париж лишь 5 декабря 1797 года.

Глава 4

Ужасный итог египетской экспедиции

Флот был уничтожен, армия покинута, безнадежная экспедиция провалилась – и все это каким-то образом окружило его имя еще большей славой.

Хилэр Беллок

Государь, который думает о людях и строит собственное счастье на их благополучии, – в каком романе можно найти сие?

Наполеон

Как известно, 4 мая 1798 года Наполеон отправился в Тулон, где принял начальство над 40-тысячным войском, собранным в окрестностях города, а 20-го числа огромная французская эскадра (около 350 судов разного вида) вышла в открытое море. Так начиналась знаменитая экспедиция Бонапарта к берегам Египта.

11 июня 1798 года эскадра подошла к берегам Мальты. Отряд, высаженный на скалистый остров, быстро овладел большей его частью, а крепость Ла-Валетта капитулировала.

Десять дней прожил Наполеон на острове, захватил все запасы на складах и в арсеналах, взял из церквей золото и

серебро, учредил республиканское правление и отправился дальше.

Вечером 1 июля 1798 года войска Наполеона начали высадку на Египетском берегу. Происходило это около Александрии, и уже на следующий день город был захвачен. Потом армия двинулась через пески на Каир. Во время этого марша солдаты и офицеры страдали от отсутствия воды: население деревень в панике покидало свои дома и, убегая, бросало отраву в колодцы. Воины-мамлюки медленно отступали, периодически беспокоя французов, а затем на своих великолепных лошадях скрываясь от погони.

* * *

21 июля произошла знаменитая битва у пирамид.

– Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид! – крикнул Наполеон, обращаясь к своей армии перед началом этого сражения.

Французская армия встала параллельно Нилу, на котором господствовал противник. В турецкой пехоте было мало порядка, и она не представляла особой опасности, равно как и арабы, ценность которых в реальном деле была близка к нулю. Следовало опасаться только корпуса мамлюков.

Мурад-бей, главнокомандующий противника, имея многочисленную кавалерию, решил ударить в промежуток между дивизиями Дезэ и Ренье. Этот маневр был проделан с та-

кой быстротой, что с трудом верилось, что генерал Дезэ успеет занять оборонительную позицию. Однако он успел построить своих солдат в каре. Генерал Ренье, со своей стороны, не замедлил занять оборонительную позицию и открыть огонь. Дивизия Дюгуа, с которой находился главнокомандующий, изменила направление движения и очутилась между Нилом и войсками генерала Дезэ.

В течение 30 минут мамлюки упорно гарцевали среди пыли, дыма и пуль под стоны умирающих. В конце концов, ничего не добившись, они умчались за пределы досягаемости огня. Мурад-бей с тремя тысячами всадников отошел на Гизу, по дороге в Верхний Египет, а остальные начали метаться из стороны в сторону и наконец, следуя естественному импульсу, бросились в воды Нила, где несколько тысяч человек тут же утонуло.

Все пушки противника и обоз оказались в руках французов.

Французская армия лишилась всего 300 человек убитыми и ранеными. Противник же потерял *у* битыми, ранеными, утонувшими или пленными более 10 тысяч человек.

* * *

А потом французские войска торжественно вступили в Каир, имевший тогда около 300 тысяч населения. Там была оборудована главная квартира, и город стал почитаться

как столица того государства, которое Наполеон хотел образовать на Востоке.

Желая усилить свою власть, он не постеснялся объявить себя перед мусульманами посланником самого Господа Бога.

По возвращении из этой экспедиции Наполеон узнал об истреблении британцами своего флота в Абукирском заливе, произошедшем 1–3 августа 1798 года. Эта страшная весть повергла его в глубокую печаль.

Теперь, казалось, рушились все замыслы Наполеона о владычестве на Востоке, ведь адмирал Нельсон уничтожил при Абукире не только весь французский флот, но и всю будущность великого предприятия. Это и понятно, ведь британцы полностью взяли в свои руки контроль над Средиземным морем и над всеми коммуникациями, потенциально соединявшими запертую теперь в Египте французскую армию с внешним миром.

Между тем указ султана, прочитанный во всех мечетях, возвестил мусульманам о вероломном вторжении французов в Египет и призвал их к оружию. В ночь на 21 октября 1798 года в Каире произошло восстание, но оно, похоже, только утвердило в этой стране власть Наполеона: большая часть мятежников, засевших в одной мечети, была разгромлена артиллерией, а все взятые с оружием в руках подверглись смертной казни. Затем в продолжение целого месяца ежедневно расстреливали по 12 человек. Эта система террора дала Бо на парту и деньги, и съестные припасы, и совер-

шенную покорность населения.

В феврале 1799 года Наполеон начал поход в Сирию, а в начале марта изнуренная многочасовыми переходами под палящим солнцем армия подошла к Яффе. Овладение этой крепостью-портом было необходимо для того, чтобы открыть хоть какое-то морское сообщение и принять несколько судов с боеприпасами и продовольствием. Идти на Иерусалим, не заняв Яффу, – это было бы равно нарушению всех правил предосторожности.

Итак, Наполеон встал лагерем перед Яффой, блокировав город. Дивизия генерала Ланна образовала левый фланг осадной армии, генерала Бона – правый. Генерал Клебер был выделен для наблюдения за противником на реке Нахр, а Ренье командовал арьергардом.

6 марта Яффа была взята.

О том, что произошло дальше, сам Наполеон пишет:

«Пленных оказалось 2500 человек, в том числе 800 или 900 из гарнизона Эль-Ариша. Последние, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше чем через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли».

На самом деле произошло следующее. Когда французская армия подошла к Яффе, Наполеон приказал объявить населению, что если город будет взят приступом, то все жители будут уничтожены, ибо в плен никого брать не станут.

Яффа не сдалась. 6 марта последовал штурм, и, ворвавшись в город, солдаты принялись истреблять буквально всех, кто попадался под руку. Все дома и магазины подверглись разграблению. Некоторое время спустя, когда избиения и грабеж уже подходили к концу, Наполеону доложили, что около 4 тысяч уцелевших турецких солдат укрылись в одном со всех концов закрытом месте, готовые обороняться до последней капли крови.

Эжен де Богарне (сын Жозефины от первого брака) был послан Наполеоном пообещать туркам сохранение жизни, и тогда они вышли из своего укрепления, сложив оружие. Французы заперли пленников в сараях. Однако после этого Наполеон заявил:

– И что мне теперь с ними делать? Чем их кормить? У меня нет провианта!

Действительно, у него не было ни достаточного количества судов, чтобы отправить пленных морем в Египет, ни свободных войск, чтобы конвоировать их через пустыню... В результате Наполеон провел в размышлениях три дня, а на четвертый отдал приказ расстрелять пленных. Всех без исключения. Четыре тысячи человек были выведены на берег моря и там все до одного уничтожены.

Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш в своей «Истории императора Наполеона» пишет:

«Шестого марта Яффа была взята приступом и предана на грабеж и убийство. Бонапарт, чтобы удержать неистовство

солдат, послал своих адъютантов Богарне и Круазье, которые подоспели ко времени и спасли жизнь четырех тысяч албанцев и арнаутов, составлявших часть гарнизона и укрывшихся в пространных караван-сараях. Когда главнокомандующий увидел такое множество пленных, то воскликнул: “Что прикажете мне с ними делать? Чем мне их кормить? На чем переправить во Францию или в Египет? Вот наделали-то дела!” Адъютанты стали извиняться тем, что не принять капитуляции было бы опасно, и притом напомнили, что они были посланы именно для исполнения человеколюбивых видов главнокомандующего. Наполеон возразил: “Да, без сомнения, в отношении к женщинам, детям, старцам; но мое приказание вовсе не касалось вооруженных солдат; лучше было умереть, чем привести мне всех этих несчастных. Ну что я с ними стану делать?” И Наполеон целых три дня рассуждал об участи пленников, ожидая, не придут ли с попутным ветром какие суда, которые бы избавили его от необходимости снова проливать кровь людей. Но на море не появлялось ни одного паруса; войско начинало роптать, и приказ о расстреле арнаутов и албанцев отдан 10 марта».

Итак, 4 тысячи пленников были выведены на берег моря и расстреляны. «Никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел», – признался потом один из французских офицеров.

В книге «Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта», изданной в 1816 году, по этому поводу

говорится:

«Пули и картечь градом посыпались на несчастные и беззащитные жертвы. Между тем Наполеон издали смотрел в зрительную трубку и, заметив поднявшийся дым, радостно воскрикнул: “Их нет!” Генерал Клебер сильно выговаривал Наполеону за сие злодейство. С сего времени Наполеон воспылал мщением к Клеберу. Не умершие турки от пуль и картечи доколоты были штыками».

Позднее о событиях в Яффе Наполеон рассказал лорду Эбрингтону, одному из наиболее просвещенных и заслуживающих доверия путешественников, посетивших его на острове Эльба, следующее:

– В Яффе я действительно приказал расстрелять около двух тысяч турок. Вы находите, что это чересчур крутая мера? Но в Эль-Арише я согласился на их капитуляцию под условием, что они возвратятся в Багдад. Они нарушили это условие и заперлись в Яффе; я штурмом взял этот город. Я не мог увести их с собой в качестве пленных, потому что у меня было очень мало хлеба, а эти молодцы были слишком опасны, чтобы можно было вторично выпустить их на свободу, в пустыню. Мне ничего другого не оставалось, как перебить их.

Безусловно, по военным законам, пленный, не сдержавший данного слова, уже не мог рассчитывать на пощаду. Тем не менее, как отмечает Стендаль, «это жестокое право победителя редко осуществлялось», а в те времена, то есть в са-

мом конце XVIII века, «никогда не применялось к такому множеству людей одновременно».

Кстати, произошедшее в Яффе нанесло очень сильный удар по неокрепшей еще нервной системе сына Жозефины, считавшего себя виновником гибели людей, которым он лично пообещал свободу. Однако, что бы он ни думал по этому поводу, изменить что-либо он был не в силах.

* * *

19 марта 1799 года французская армия подошла к крепости Сен-Жан-д'Акр, находившейся в 30 лье¹ к северо-западу от Иерусалима и в 36 лье к юго-западу от Дамаска. Ее осада длилась более двух месяцев и окончилась полной неудачей. Причин тому множество: у Наполеона не было осадной артиллерии и других осадных принадлежностей, обороной крепости руководили опытные английские офицеры, с моря осажденным постоянно подвозились припасы и оружие, турецкий гарнизон был слишком силен и т. д.

В продолжение двухмесячной осады французы восемь раз ходили на приступ и каждый раз были отражены с большим уроном. Наполеон лишился трети своей армии и потерял бы ее до последнего человека, если бы не преодолел свое упрям-

¹ Лье – старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равнялось 4444,4 м (длина дуги 1/25 градуса земного меридиана), морское – 5555,5 м (длина дуги 1/20 градуса земного меридиана).

ство. В конечном итоге ему пришлось снять осаду, за время которой французы потеряли около 3 тысяч человек, в том числе дивизионного генерала Бона, бригадного генерала Рамбо, полковников Буайе и Вену, а также адъютанта главного командующего капитана Круазье. Но наиболее чувствительной потерей была гибель генерала Каффарелли дю Фальга.

* * *

Отметим, что у Сен-Жан-д'Акра Наполеон совершил еще одно злодеяние.

Он вызвал одного из французских врачей и сказал ему:

– Больницы завалены ранеными и больными. Для предупреждения заразы остается одно средство – истребление всех больных!

Человеколюбивый врач тщетно старался отговорить Наполеона от его зверского предприятия. Он даже настаивал на своем мнении. А потом заявил:

– Не хочу быть убийцей, и если злодеяния делают великих людей, то благодарю Бога, что я не способен к злодействам!

Между тем по приказу Наполеона один аптекарь все же взялся за это дело: он подмешал в пищу опиум, и через несколько часов умерло около 180 человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.